

РУСИСТИКА И СЛАВИСТИКА: ТРАДИЦИОННЫЕ ТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ

*Борисова Дарья Максимовна,
студентка*

(Московский педагогический государственный университет)

МЕТАФИЗИКА ЛОКУСА В ПОВЕСТИ К. Г. ПАУСТОВСКОГО «ГЕРОИЧЕСКИЙ ЮГО-ВОСТОК»

Д. М. БОРИСОВА

Доклад посвящен метафизике локуса в повести К. Г. Паустовского «Героический юго-восток» (1952–1956), рассказывающей о строительстве Волго-Донского канала. Заимствовав форму так называемой производственной прозы, автор наполнил ее иным смыслом. На примере конкретной «великой стройки коммунизма» писатель рассуждает о сложности взаимоотношений человека и природы. Место строительства — «земля, повитая легендами», и перекапывание культурных слоев связано с колоссальными сдвигами в истории. Соединение рек в повести осмыслено как возведение новой цивилизации на костях прежних, требующее архаической «строительной жертвы», но жертву оправдывает идея построения земного рая.

Ключевые слова: локус, К. Г. Паустовский, производственный роман, советская литература, соцреализм.

Константин Георгиевич Паустовский — одна из самых интересных, сложных и противоречивых фигур русской литературы XX столетия. Давно стало традицией противопоставление советской, эмигрантской и так называемой «потаенной» («задержанной») — не публикуемой в Союзе по идеологическим или эстетическим причинам — литературы. К. Г. Паустовский по всем формальным признакам был писателем советским. Автор проживал и печатался в СССР, пользовался популярностью; писал о пороках капитализма и колониальной политике (рассказы-памфлеты «Лихорадка», «Королева голландская», «Разговор во время ливня»), отдал дань темам декабристского восстания («Северная повесть») и рабочего бунта («Судьба Шарля Лонсевиля»), вполне искренне восхищался масштабами индустриализации и размахом «великих строек», долгое время верил в проекты по изменению климата и переустройству природы (повести «Кара-Бугаз», «Колхида», «Героический юго-восток»). При этом отношения зрелого Паустовского с господствующей идеологией выстраивались не по пути безоговорочного принятия (или приспособления), а по пути компромисса. Не будучи членом партии, не занимая видных постов в Союзе писателей, автор держался в стороне от околосовременных ссор и сплетен, не был замечен в травлях кого-либо и восхвалении И. В. Сталина. Ценой отдельных конъюнктурных вставок, определенных уступок, тщательной маскировки истинных мотивов автор отстаивал право быть собой — романтиком, тонким эстетом и безупречным стилистом. Даже работая над «идеологически правильной», заказной темой, К. Г. Паустовский всегда был прежде всего художником, через сиюминутное постигающим вечное. Пример такого подхода можно найти в повести «Героический юго-восток».

Очерковая повесть «Героический юго-восток» написана по горячим следам поездки на строительство Волго-Донского судоходного канала (1948–1952). Размах работ поражает даже в наши дни: над стокилометровым каналом в общей сложности работало 900 тыс. человек, было задействовано 8 тыс. машин и механизмов (в том числе первые советский шагающий кран и шагающий экскаватор). Для орошения прилегающих засушливых земель построили три водохранилища. За четыре с половиной года страна, только оправившаяся от войны, реализовала масштабный проект, в течение нескольких столетий казавшийся фантастикой (первые неудачные попытки соединения Волги и Дона были предприняты в XVI–XVII вв.). Паустовский побывал на стройке весной 1951 г., а в 1952 г. в журнале «Знамя» (№ 4–5) вышел первый вариант произведения — «Рождение моря». В 1956 г. автор сократил и переработал эту повесть, дав ей новое название.

Формально повесть соответствует канонам так называемой «производственной прозы», описывающей человека труда и сам процесс работы. Производство воспроизводит важный этап создания советского социалистического общества — одну из «великих строек коммунизма». Повесть проникнута жизнестроительным пафосом, воспевается героика труда; персонажи и рассказчик с надеждой смотрят в «светлое будущее». «Героический юго-восток» дает целую галерею энтузиастов: от начальника строительства Басаргина до работницы Клавы Гусевой, занимающейся опасной, совсем не женской работой (девушка управляет скрепером, т. е. машиной для резки и транспортировки грунта). Трудности, связанные как с усиленным темпом работы, так и с необходимостью перенести на новые места сотни станиц и хуторов, показаны как неизбежная цена великого свершения. Ни слова не сказано о строителях-заклоченных, ударным трудом зарабатывающих себе досрочное освобождение (насколько был автор сведущ в этом вопросе, неизвестно).

Все формальности Паустовским соблюдены. Однако в типичном производственном романе главным героем становится труд, а человек с его индивидуальностью вытесняется на второе место; главная функция таких произведений не эстетическая, а пропагандистская и воспитательная. О недостатках «большинства очерков и так называемых производственных повестей и романов» — низком художественном уровне («непреодолимой склонности к халтуре»), поверхностном знании автором действительности, сусальности, отсутствии интереса к человеческой личности, шаблонности персонажей — сам К. Г. Паустовский открыто говорил в критической статье «Документ и вымысел» [4]. От «производственной прозы» писатель берет форму, но не содержание. Паустовского волнует вечная тема взаимоотношений человека и природы, его живо интересует метафизика локуса — те мистические глубины, которые открываются при перекапывании древней земли Приазовья.

Первое название повести — «Рождение моря» — было связано с противопоставлением степи (засушливого, безводного места) и моря (источника жизни и процветания). В начале повести рассказывалось о постепенном «умирании» (обмелении) Азовского моря — в финале читатели могли созерцать «рождение» Цимлянского водохранилища («Донского моря»). Заглавие «Героический юго-восток» несет иную семантику. Задавая координаты места, автор «очерчивает» обширный край с древней историей («это были земли, повитые легендами» [5, с. 337]) и многообещающим будущим («сейчас... весь юго-восток страны тонет в грохоте и звоне исполинских работ» [5, с. 339]).

Приазовье, где развернулось строительство — не просто «мертвый кусок земли», как когда-то казалось рассказчику, оказавшемуся в Таганроге в далеком 1916 г. (близкому молодому Паустовскому). Это пространство, где люди кочевали и селились с незапамятных времен, оставляя свои могилы, свои мифы и предания. «Десятки народов — сарматы, скифы, половцы, хозары, гунны, татары, турки — прошли по ним [землям]. Следы древних народов остались под ковылем, под курганами. Переплетение корней скрывало скелеты, окрашенные в черный цвет, поломанные копья, погнутые шлемы, глиняные кувшины с остатками семян, золотые скифские маски. — Дон — это древний Танаис, а Азовское море — Нывшая Тамаринда!» [5, с. 337]. Перекапывание культурных слоев соединяется с колоссальными сдвигами в отечественной истории.

В повести не единожды возникает тема «строительной жертвы». Сама плодородность здешней земли, богатой, только иссохшей от недостатка влаги, объясняется напитавшей степи кровью русского народа. Учитель и краевед Липецкий, открывающий рассказчику историю Приазовья, поет думку о поле, которое «засеяно казачьими головами, заволочено... казачьими черными чубами», рассказывает легенду о татарнике, выросшем из капель казачьей крови. Перекапывание и затопление степи поневоле превращается в строительство на костях — не случайно автор употребляет выражение «курганы глины» [5, с. 410]. «Строительной жертвой» становится и попадающая в зону затопления могила умершего совсем юным любимого сына местной жительницы. Современному читателю невольно вспоминаются смерть Насти из «Котлована» А. Платонова и разрушение могил в «Прощании с Матёрой» В. Распутина. Однако героиня Паустовского не терзается сомнениями (как Вошев), не протестует против неизбежного (как распутинские старухи), а смиренно приносит эту жертву, чтобы люди были счастливы: «Кондрат было собрался [могилку] переносить, а я сказала, что на это не согласная. Пусть наш хлопчик лежит, как лежал. И пусть над ним разольется то озеро. Пусть плещет над ним та светлая вода, что даст людям хлеб» [5, с. 376].

Важное место в «Героическом юго-востоке» занимает осмысление взаимоотношения человека и природной среды. Всякое преобразование, «приручение» природы — пускай даже во имя общего блага — невозможно без насилия над ней. Это древняя тема — вспомним, как представлял себе золотой век Овидий в «Метаморфозах»: «Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди. / Также, от дани

вольна, не тронута острой мотыгой, / Плугом не ранена, все земля им сама приносила» [3, с. 34]. В серебряный век эта гармония уже нарушена («В первый раз семена Цереры в бороздах длинных / Были зарыты, и вол застонал, ярмом удрученный» [3, с. 34]), в худший — железный век — алчные люди уже ищут в недрах земли сокровища. Герои Паустовского перекапывают землю не из жадности, а ради общего блага; однако, как ни стараются люди — вписывают строительство в рельеф, сажают леса, — природа сопротивляется и может жестоко мстить. Кульминация повести — сцена «воробьиной ночи». «Воробьиными» («рябиновыми») назывались ночи с грозой, яркими всполохами зарниц; считалось, что в это время нечисть разгуливает по свету, а людскими сердцами владеют смутные страхи и страсти. Темные стихийные силы, вырвавшись на свободу, едва не разрушают дела человеческих рук: «Ливень мог повредить берега канала. <...> Кроме того, запертая наглухо перемычками и изрезанная на части, безобидная степная речушка Карповка могла превратиться в бешеный поток и смыть перемычки» [5, с. 420]. В итоге строителям удается «собрать все человеческие силы и исполинскую силу машин, чтобы отразить нападение природы», а работница Клава на своем скрепере чудом избегает смерти.

Показывая неизбежность жертв, К. Г. Паустовский оправдывает их воплощением народной мечты о возвращенном рае. По древним представлениям, библейский Эдем находился как раз на плодородных землях Междуречья — здесь люди хотят соединить две великие реки и оживить богатые степные почвы. Именно о земном рае мечтают «простые» герои К. Г. Паустовского, рисуя картины будущего. Слушая рассказы учителя Липецкого о «процветании земли», дочка рыбака Ганна представляла себе «землю, густо покрытую, как ковром, всякими цветами — не только портулаком и “кручеными панычами”, как во дворе у соседки тетки Горпыны, но даже сиренью и розами» [5, с. 360]. Старинное слово «процветание» здесь особенно семантически насыщено, так же, как и слово «кущи» в разговоре плотника с сыном: «Вода будет чистая-пречистая, вроде слеза. И не будет той воды вкуснейше на белом свете. И сады будут кругом. Зацветут *кущи*, и зацветет тот старый плетень, что притащил с собой на новое место один старый сердитый дед... Минет небогато времени, и будет та дедова хата стоять в густом зеленом лозняке и прохладе» [5, с. 404].

Строители Волго-Донского канала своими руками творят новый «золотой век». Неслучайно персонажи говорят о спрятанном в земле золоте: Липецкий упоминает скифские маски, а Клава сравнивает с драгоценным металлом саму почву: «Земля здесь как золото, только отняли у того золота блеск, а нашему сказать, воду» [5, с. 367].

Обращение к метафизике локуса помогает Паустовскому показать, что масштабное строительство амбивалентно: это разрушение древних культурных пластов и создание новой истории, насилие над природой и создание земного рая.

Список литературы

1. Арбузова Г. А., Журенков К. А. «Он старался быть подальше от власти» // Огонёк. 2017. № 21 (от 29.05.2017).
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Воробьиная ночь // Русская фразеология: Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
3. Публий Овидий Назон. Метаморфозы / пер. с лат. С. Шервинского; вступ. ст. С. Ошерова; примеч. Ф. Петровского; ил. Пабло Пикассо. М.: Художественная литература, 1977. 430 с. (Библиотека античной литературы. Рим).
4. Паустовский К. Г. Документ и вымысел // Наши достижения. 1933. № 1.

Список источников

5. Паустовский К. Г. Героический юго-восток // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1957–1958. Т. 6. С. 332–434.